

налагали на них «лесть на лесть и лихву на лихву», отнимали «коровку их и лошадку» — иначе говоря, эксплуатировали их; «убогие» нередко učinяли богатым «пакости», а иногда даже убивали своих «государей» — вели, следовательно, классовую борьбу. Люди XI—XVII вв. не знали и не употребляли понятий, созданных социологической наукой нового времени, но действовали они в полном соответствии с этой наукой — как нормальные и взрослые люди, а не как «верующие дети».

Говоря это, мы вовсе не хотим преуменьшить роль христианской идеологии в древнерусском обществе. В средневековом обществе, по известному выражению Ф. Энгельса, «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»,¹⁹ на языке богословия воспитывались писатели и публицисты, этим языком они вели споры по всем насущным вопросам жизни. Но именно эта всеобъемлющая роль христианства в умственной жизни средних веков приводила к тому, что библейские авторитеты использовались для обоснования самых различных, иногда диаметрально противоположных воззрений.

Противопоставляя свои взгляды на древнерусскую публицистику взглядам советских исследователей, Д. Чижевский утверждает, что в применении к Древней Руси правильнее говорить не о «социальных вопросах», а о проблеме «бедности и богатства», об идее равенства людей перед богом (в памятниках XV—XVII вв.). «Заповеди господни — сострадание — сатира — общественные нужды — наконец, ненависть — такковы были ступени, по которым проходили „социальные мотивы“ в древнеславянских литературах», — пишет он.²⁰ Заметим, однако, что библейские заповеди (включая идею равенства людей перед богом) воспринимались различными писателями Древней Руси по-разному, и эмоции сострадания и ненависти возникали у одних писателей совсем не в таких же случаях, как у других. Холоп Феодосий Косой, например, понимал идею библейского равенства в том смысле, что «все людие едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы», а Иван Грозный выводил из нее только необходимость одинакового режима для монахов одного монастыря, не соглашаясь даже своего любимого слугу «страдника» Василия Грозного приравнять к князю Семену Пункову или Михаилу Глинскому.²¹ Боярин Василий-Вассиан Патрикеев в ярких красках описывал разорение монастырских поселен, а игумен монастыря Иосиф Волоцкий замечал почему-то только «глад и наготу» «рабов и сирот» светского вельможи.²² Иосиф Волоцкий и Иван Пересветов одинаково обращались к апокрифическому рассказу о пакостях, учиненных дьяволом изгнанному из рая Адаму, но Иосиф Волоцкий утверждал, что от дьявола исходит «праздность», а от бога — «труд», между тем как Пересветов считал дьявола родоначальником всякой «записи в работу» и «порабощения».²³ Каждый из этих идеологов несомненно считал, что его взгляды естественны, разумны и вытекают из библейских законов и требований справедливости, не замечая того, что конкретное понимание этих законов и справедливости в каждом случае соответствовало вполне реальным интересам определенных классов русского общества.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 33, 42, 44.

²¹ Послание многословное. Сочинение инока Зиновия. М., 1880, стр. 143; Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 179—180 и 193—194.

²² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 258; Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 152—154.

²³ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 312—313; Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 181.